

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Хониневой Екатерины Александровны

«Семиотические идеологии и духовные практики в современном российском

католицизме: антропологические аспекты»,

представленной на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

по специальности 5.6.4. – этнология, антропология и этнография

1. Актуальность темы диссертационного исследования

Этнографические исследования католицизма в отечественных социальных науках антропологии практически отсутствуют, да и сама антропология католицизма в качестве самостоятельной области исследований ещё очень молода. Соглашусь, что антропология христианства всё ещё «остаётся антропологией пятидесятников и евангеликов» (с. 4), и многие давно назревшие вопросы о специфике католических культур остаются неизученными. Екатерина Александровна берёт на себя задачу первопроходца, чтобы заполнить эту исследовательскую лакуну.

В фокус исследования автор помещает представления о коммуникации между божественным и человеком и рассматривает три этнографических сюжета, связанных с обновлением католической духовной жизни, позволяющих проанализировать то, как в различных социальных контекстах католики осмысляют понятия искренности и ритуализма.

Особенно интересным, на мой взгляд, является изучение представлений католиков, имеющих опыт приходской жизни в иных конфессиях, и это входит в предметную область диссертации. Целью диссертации стало изучение культурной и исторической специфики религиозных практик, связанных с идеологиями искренности и ритуализма. Для достижения цели автор ставит шесть логичных задач. В качестве объекта исследования выбирает представителей постсоветских (преимущественно российских) католических структур (приходов, монастырей, институтов, семинарий).

2. Новизна научных положений и выводов, полученных автором диссертации

Диссертация Е.А. Хониневой представляет единственное на данный момент антропологическое исследование современных форм католической духовности в России. В научный оборот вводится обширный корпус этнографических данных о религиозной жизни католиков в постсоветских приходах, которые ранее не становились предметом научного анализа.

Отличает работу подход, объединяющий представления о семиотических аспектах религиозной жизни представителей культуры и профессиональных антропологов, а также использование инструментария лингвистической антропологии. Новизна исследования также состоит в предложенных теоретических рассуждениях, основанных на материалах продолжительной этнографической работы. Эти рассуждения дают возможность уточнить некоторые положения антропологии христианства и устоявшиеся в ней аналитические траектории.

3. Структура диссертационного исследования

Основная часть работы Хониневой Е.А. состоит из введения, трёх глав и заключения.

Во Введении представлена общая характеристика работы.

Первая глава «Призвания» посвящена политике современной Католической Церкви в отношении призваний к монашеству/священству и семейной жизни. На материалах включённого наблюдения и интервью анализируются стратегии производства подлинности и убедительности призвания к безбрачию, а также вопросы интерпретации и распознавания знаков Божественного присутствия.

Во второй главе «Духовные упражнения» подробно рассматривается популярная в современном католичестве практика, а именно — духовные упражнения, предполагающие непосредственный контакт с Богом за счёт медитации и культивации воображения. Специфика оригинальной программы «Духовных упражнений» Святого Игнатия Лойолы рассматривается как предпосылка для создания новых форм духовных упражнений,

основывающихся на «переводе» психотерапевтического эффекта в традиционную христианскую дисциплинарную практику. Эта глава является самой сильной. И я остановлюсь на ней несколько подробнее.

Во-первых, она написана с привлечением знаний из области лингвистической антропологии, что, бесспорно, обогащает анализ материала. Во-вторых, описание сочетания католической практики с New Age духовностью довольно интересно. Мои полевые материалы о New Age практиках подтверждают, что в т.н. терапевтическом нарративе анализируются различные травматические переживания, отсылающие к проблемам в взаимоотношениях с родственниками, которые необходимо разрешить и приблизиться к Богу. И медитации — это инструмент, за правильностью применения которого пристально следят духовные наставники. Особое внимание также приковано к внутренним ощущениям (осознанности) и их интерпретациям, позе, дыханию, психосоматической природе обид, исцеление рода и т.д. И даже самоназывание проводящих духовные практики — *проводник* — аналогично, не говоря уже об отсылках к одному из наиболее значимых образов терапевтической культуры — «внутреннему ребёнку». Ньюэдгеры, правда, напрямую ссылаются на Эрика Бёрна.

В целом создаётся впечатление такой своеобразной формы New Age католичества, поэтому появление на реколлекциях людей, имеющих опыт обращения к практикам различных восточных и нью-эйдж духовностей, неудивительно (с. 150). Интерпретации роли отца А. и сестры П., ведущих медитации, как особых проводников тоже довольно типичны для New Age последователей, о чём, в общем-то, Екатерина Александровна и пишет (стр. 155 и стр. 163).

Третья глава «Традиционализм» посвящена католическому традиционализму. В ней обсуждается то, каким образом литургическая реформа обострила рефлексию о «правильной» семиотике ритуала, о границах ритуализма и антиритуализма и создала условия для риторического и идеологического сближения академической и «народной» антропологии религии. Она гармонично дополняет предыдущие, рассмотренные ранее,

представления, критической позицией по отношению к постановлениям Собора.

Каждая из глав содержит обширный корпус материалов, который логично и последовательно анализируется автором.

В Заключении обобщаются все этнографические наблюдения.

4. Теоретическая и практическая значимость диссертации

Теоретическая и практическая значимости работы заключается в разработке аналитической концепции семиотических идеологий с особым вниманием к истории формирования идеологий ритуализма и антиритуализма и их актуальным проявлениям в практиках современных российских католиков.

Научная значимость работы определяется её вкладом в формирование теоретических и методологических оснований антропологии католицизма. Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, являются важными при обсуждении вопросов идеологии ритуала и искренности, а также модерной рациональности и субъектности (религиозной и секулярной).

Диссертационное исследование демонстрирует ограничения, которые накладывает использование «протестантской линзы» на изучение культурного разнообразия христианских представлений и практик, а также те преимущества, которые дает этнографическое исследование современной католической религиозности для интерпретации социальных феноменов, которые в антропологических текстах обычно оказываются «зарезервированы» за протестантизмом. Результаты исследования, вне всяких сомнений, должны учитываться при последующей разработке соответствующей научной проблематики.

Отдельные положения диссертационного исследования могут быть использованы для подготовки лекционных и семинарских занятий по этнографии религиозных сообществ России. Более того, автор уже имеет опыт использования результатов своих научных изысканий в рамках нескольких лекционных курсов.

5. Степень достоверности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации и апробация результатов

Диссертационное исследование опирается на традиционный для антропологии интерес к культурно-специфичным и исторически изменчивым способам контактов между людьми и миром, являясь результатом многолетнего и кропотливого труда автора. Выводы, к которым приходит автор в ходе своего исследования, основаны на анализе собственных полевых материалов, собранных в течение 2016–2021 гг. в различных католических структурах России, Украины, Беларуси. Екатерина Александровна сопоставляет их с историческими исследованиями, специальной конфессиональной и антропологической литературой в соответствии с темой диссертационного исследования.

Результаты диссертационного исследования были представлены в ряде докладов на различных научных мероприятиях, в том числе международного уровня. Некоторые фрагменты диссертационного исследования в 2016–2019 гг. обсуждались на полевых и исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

6. Замечания и вопросы

Несколько забегаая вперед, я хотела бы сказать, что диссертация произвела на меня очень хорошее впечатление, и я считаю её весьма ярким и важным событием в отечественной науке. Однако это не снимает с меня обязанности высказать свои замечания и задать вопросы, которые мне кажется могут стать хорошим поводом для дискуссии и наметить пути для дальнейших изысканий в данной области.

1. Хотя заключение диссертации выглядит убедительным, мне кажется, что в нём было бы уместно вернуться к поставленным задачам и подвести итоги исследования, соотносясь с ними.
2. Не совсем понятно, кто является главным актором (и есть ли он) в педагогике благочестия в современной католической среде? Кто осуществляет контроль и ответственен за обучение религии (стр. 29)? Кто выполняет функцию контроля в деле духовного совершенствования? Всегда ли это католический/религиозный авторитет?

Образ религиозного авторитета представляется в работе довольно размытым. Не совсем понятно и то, каким образом распределяются роли в приходах. Отсюда возникает потребность дать определение понятию католического авторитета и определить главных акторов, исходя из имеющихся полевых материалов. Думается, роль таких акторов трудно переоценить, как и то, какие стратегии они применяют в ходе реализации педагогических программ благочестия. Очевидно, что для прихожан ответы на вопросы о верной/неверной трактовке полученных свыше знаков очень важны. Из разговора с хористкой Ниной читателю остается не совсем ясным то, кто же ответствен за интерпретации. Тем не менее она упоминает нескольких людей, в компетенцию которых, по её мнению, входит то, чтобы давать ответы на значимые для неё вопросы. Возможно, стоит обратить внимание на фигуры этих людей (стр. 57).

Мы видим, что авторитет может принадлежать разным персонам. Так, информант Галина, главный организатор молитвенной группы о призваниях, занимается тем, что поддерживает распознающих призвание, а также неформально консультирует молодых людей (стр. 90). Она – мирянка, но пользуется авторитетом. Отсюда вопрос: от чего зависит авторитет, на чём он основан? Дает ли человеку церковный сан авторитет автоматически или, например, этот авторитет определяется сроком пребывания в нём? Как, по мнению автора, отражается специфика того или иного прихода на педагогической тактике акторов? Меняются ли роли в зависимости от локальной специфики?

— В тексте актор иногда оказывается обезличенным. См.: «Рассказы о распознавании транслируются также и российскими католическими медиа» (С. 51–52). Здесь важно понимать, что передача и подача материала происходит через призму СМИ, пускай даже католических. В связи с этим возникает вопрос: отличается ли данный актор от других? Насколько он авторитетен?

— При изучении акторов и их представлений было бы неплохо учитывать и роль семейных связей. Так, в тексте неоднократно появляются указания на родство информантов. См.: Информант Светлана со своей матерью

присоединилась к Католической церкви будучи подростком (стр. 53). Дочь Натальи, Саша, указала на то, что мама вела себя неприлично (стр. 58). «Воспитанием Веры занималась также её двоюродная сестра, которая была католичкой. Личность сестры настолько поражала Веру, что ей хотелось понять, как она стала именно таким человеком» (стр. 156).

— Думается, католический психолог тоже может претендовать на авторитет. Из текста, правда, не всегда понятно, кто это и какими функциями он наделяется. Католический психолог Варвара (стр. 116) отличается от «католического психолога», этнического литовца? И почему в последнем случае католический психолог в кавычках? (стр. 153).

— Последний в данной связи вопрос — это связь с целевой аудиторией. См. «Основной объект — молодые люди, в подавляющем большинстве воспитанные в невоцерковлённых семьях и социализировавшиеся в секулярной культуре». Насколько сильно акторы ориентированы на т.н. целевую аудиторию? (С. 66–67). Отсюда следует другой вопрос: Насколько представления о связи человека с Божественным локальны и ориентированы на конкретную аудиторию?

3. — Возможно, не стоило бы т.н. этнические сантименты совсем сбрасывать со счетов (стр. 7) и посмотреть, нет ли в описанных представлениях историко-культурного контекста, связанного с:

— священниками и монахами, которые родом из традиционно католических местностей (стр. 30)?

— не связаны ли поиски распознавания с контрпозицией, например, по отношению к православию? На стр. 56 в сноске есть интересное высказывание Ангелины. Она строит своё рассуждение о призвании к монашеству на представлениях о священнослужителе и словно противопоставляет фигуру католического священника православному. Более того, она начинает свои рассуждения с того, что в представлении русских быть священником — это что-то ненормальное. Закономерным становится вопрос — а как у других? См. также высказывание Валерии о православном приходе: «Это свидание с Богом более личное, чем происходит дома или в приходе» (стр. 102) или «В ходе

разговора они с сожалением заметили, что в приходах для православных не так много мероприятий для интенсивного духовного роста, то время как у католиков искомым возможностей гораздо больше» (стр. 108). «Тамара ответила ей, что заходила в православный храм рядом с Институтом прямо перед тренингом, но Варвара (католический психолог) возразила: “Это не совсем то, ведь там же не выставлены Пресвятые Дары! А это католическая часовня, здесь можно побыть рядом с Богом”». (Стр. 116). Последнее вполне можно было бы отнести к педагогическому приёму. Интересно было бы посмотреть, как и когда эта тактика начинает работать. Не включается ли в эти рассказы, например, история прихода, может быть истории о трудностях, возникавших при создании общины или строительстве / реконструкции храмов, отсылки к своей особой миссии в непростых условиях в контексте доминирования православия / секулярности / длительного периода безбожия? — Примечательная цитата о скептическом отношении к доступу к божественному: «совсем другое — смотреть на этот Хлеб в тишине долгие минуты, один на один со своими сомнениями, светским образованием и атеистическим прошлым» (стр. 34). Как будто последнее — это такой хороший довесок ко всему предыдущему, а может и главное. Да, здесь отчётливо прослеживается установка на индивидуализм и на желание непосредственного общения с Богом. Многие мои информанты именно это считают наиболее привлекательным в т.н. западной церкви, ну, и конечно, телесный комфорт (возможность посидеть, например) также имеет значение. При этом они словно оправдывали таким образом своё нежелание ходить в православный храм. То же самое я наблюдала и у последователей Свидетелей Иеговы.

Православие, на мой взгляд, не просто так становится предметом для сравнения или даже подвергается критике или, пускай иногда в завуалированной форме. Часто люди именно на этом противопоставлении выстраивают обоснование своего выбора в пользу той или иной религиозной институции. Ньюэйджеры тоже часто критикуют православную Церковь за отсутствие возможности побыть рядом с Богом, впрочем, как и ряд православных верующих, невоцерковлённых, разумеется.

— Я бы попробовала порассуждать о том, не связаны ли вышеуказанные сюжеты с поиском настоящего, аутентичного себя. Может ли быть такое, что ключ к подтверждению поиска себя может быть в том, что прихожане видят в священниках и тех мирян, кого они считают авторитетом для себя, подлинных носителей веры на основании этнической принадлежности этих людей? У традиционалистов я не заметила подобных отсылок, или они есть, просто не попали в текст диссертации?

— «здесь замечен спрос на такой тип духовного авторитета, который держится не на институционально-утверждаемых истинах или яркой харизме лидера, а на его способности, в силу духовной глубины и развития, аккуратно и мягко подвести его к нужной точке развития» (стр. 164). Когда я читала это рассуждения, у меня возникли такие вопросы: этот вывод сделан исходя из слов информантов? чем мы можем измерить духовную глубину и развитие? и не может ли это быть частью яркой личной харизмы?

7. Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о порядке присуждения учёных степеней

Высказанные здесь замечания несколько не снижают общую высокую оценку диссертационного исследования. Диссертация Екатерины Александровны Хониневой является цельным и самостоятельным исследованием на актуальную тему, выполненным на высоком научном уровне, и имеет существенную теоретическую и научно-практическую значимость. Отдельной похвалы заслуживает высокий уровень эрудиции автора, его погружение в проблематику объекта исследования, скрупулезность наблюдений за приходской католической жизнью и теоретических знаний. Диссертация написана грамотным научным языком, отличается чувством стиля и элегантностью. Автореферат и опубликованные по теме диссертации работы адекватно отражают основное содержание и выводы диссертации.

Диссертационная работа прекрасно структурирована, в ней решены все поставленные автором задачи и достигнута заявленная цель. Текст диссертации изложен на 243 страницах, состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников (25 позиций), списка использованной литературы (306 позиций, из

них 243 – на английском языке), двух приложений (в первом можно ознакомиться со списком участников исследования, во втором – с примером расписания духовных упражнений).

Основные положения диссертации Е.А. Хониневой и её выводы представлены и обсуждены на научных конференциях; по теме диссертации опубликовано 6 работ, 4 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований.

Всё вышеизложенное даёт основания для того, чтобы сделать заключение, что диссертационное исследование «Семиотические идеологии и духовные практики в современном российском католицизме: антропологические аспекты» соответствует требованиям пп. 9–13 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года, а её автор Екатерина Александровна Хонинева заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.4. — Этнология, антропология и этнография.

Научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона — филиала ФГБУН
Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр
Российской академии наук»,

кандидат исторических наук (07.00.07)

Давыдова Алёна Сергеевна

5 декабря 2022 г.

184209, Мурманская обл., г. Апатиты, мкр. Академгородок, д. 40а

Тел. раб.: +78155579440

Тел. моб.: +79210303187

Эл. почта: alyona-797@mail.ru

Давыдова Алёна Сергеевна
Заведующий
В.В. Соколов
5 декабря 2022 года